

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ПСКОВСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

Regional Features of the Pskov Folk Tales

Наталья Большакова (Natalia Bolshakova)

Псковский государственный университет, e-mail: bolshakova55@yandex.ru

Abstract. *The paper identified and systematized ethno-linguistic, communicative and pragmatic features languageographical Pskov tales. Study was carried out on the material of the manuscript prepared for publication of a collection of rough folk tales which have been written down in Pskovshchina during the period since the 70th of the XX century. We used the traditional system – structural methods, and methods of communicative dialects. Performed work showed that untreated tale, especially sounding, has all the features of dialect discourse, such as: pronounced intention of the speaker, dialogic speech. Content analysis allowed to reveal the historical and cultural significance of a corpus of fairy tales, which can serve as a source of information about the archaic features of traditional peasant life of the local toponymy. Language of tales reflects characteristics of the Pskov national dialects in phonetic, lexico-semantic, grammatical levels, keeping signs of boundary language space.*

Keywords: *dialect in the text and dictionary, dialectal discourse, Pskov tale, toponimikon of a regional text.*

Вступление

Исследование посвящено выявлению этнолингвистических, коммуникативно-прагматических и лингвогеографических черт псковских сказок. Работа строится на материале рукописи подготовленного к публикации сборника необработанных народных сказок, записанных на Псковщине в период с 70-х гг. XX в. Издание подготовлено коллективом Научно-образовательной лаборатории региональных филологических исследований Псковского государственного университета в двух форматах: в традиционном формате (в виде книги с аудиоприложением) и в электронной версии (в виде электронной базы данных). Сборник наследует основные принципы фольклорного описания архивного сказочного материала первого издания (Площук, 2004), что проявляется в организации текстов, в подходах к описанию псковских фольклорных традиций. Однако новый корпус текстов значительно расширен, он содержит более 200 наименований сказок и песен сказочного характера. Отличительной особенностью нового сборника является тщательно выполненная верификация архивных текстов по аудиозаписям с сохранением в «расшифровке» текстов ярких черт псковской диалектной речи.

Сборник текстов снабжен научным аппаратом, имеющим междисциплинарный характер: он содержит комментарий, характеризующий сказки как произведения фольклора, и выполненное автором приложение в виде словаря диалектной лексики, где раскрыто содержание лексических и этнографических диалектизмов, некоторых устаревших слов.

Цель работы, методы и подходы, используемые в работе

Целью данной публикации является обобщение наблюдений над региональными особенностями текстов народных сказок, выполненных главным образом с позиций лингвоэтнографии и коммуникативной диалектологии. Предметом исследования стал комплекс признаков, которые приобретает сказочный текст как результат межличностного взаимодействия рассказчика и слушателя.

В работе использованы как традиционные системно-структурные методы (при лексикографическом описании диалектизмов), так и методы коммуникативной

диалектологии (при анализе коммуникативно-прагматических черт сказки, в выявлении особенностей взаимодействия коммуникантов).

Текст сказки как проявление диалектного дискурса

Необработанная народная сказка, записанная в условиях экспедиционного полевого сбора, в ходе непосредственного контакта рассказчика – носителя традиционной народной культуры и языка – и собирателя, представляет собой двуединство фольклорного произведения и спонтанной диалектной речи. Звучащая сказка обладает всеми признаками диалектного дискурса, погруженного в ситуацию реального общения, основными характеристиками которого являются ярко выраженная интенция говорящего, явная и скрытая диалогичность речи.

Особенностью псковских сказок является их вариативность. Различного рода трансформации традиционной сказки представляют интерес как для фольклористов, так и для диалектологов, т.к. отступления и включения, идущие от рассказчика-диалектоносителя, содержат ценные, оригинальные пояснения как этнографического, так и лингвистического характера. Дополнения, пояснения различного характера, а также местные топонимы, отдельные антропонимы в сочетании с характерными диалектными особенностями разных языковых уровней составляют единый корпус признаков, придающих текстам народных сказок псковского сборника оригинальные черты и привязывают их к определенному региону.

Задача выявления всех региональных особенностей источника такого значительного объема и уникального содержания требует специального монографического подхода к анализу. Остановимся на главном, как нам представляется, принципе дискурсивной основы организации устного текста – интенции коммуникантов.

Под интенцией (лат. *intentio* ‘намерение, замысел’) применительно к речи, говорению в современной теории речевой деятельности понимается коммуникативное намерение говорящего. Различают интенцию отдельного речевого акта (просьбы, запрета, обещания и т.д.), интенцию текста (монологического или диалогического). Проблемам коммуникативной интенции посвящены специальные исследования лингвистов (Антонова, 2006), психологов (Кубрак, 2009), основы теории интенциональности заложены в многочисленных трудах по философии (Керимов, 1998: 350).

Анализируемый материал сказок позволяет ввести как объект изучения специфику интенции целого жанра. Действительно, коммуникативно-прагматические черты сказки детерминированы определенной ситуацией повествования, личностью рассказчика, а также образом собирателя (как правило, студента или группы студентов во главе с преподавателем). При этом, как и в случае со сбором речевого диалектного материала, коммуникативная ситуация, в которой рассказывается и записывается сказка, может быть признана в известной степени приближенной к естественной, хотя, конечно, традиция рассказывания сказок в зимнее время года на вечерних молодежных собраниях – супрядках – уже утрачена (Большакова, 2004). Повествователем в нашей ситуации общения выступает пожилой носитель традиционной культуры и языка, как правило, лицо женского пола. Коммуникативная успешность реализации данного дискурса зависит от профессиональных навыков и личностных свойств инициатора общения – собирателя. Однако, как показывает экспедиционный опыт, в ходе разговора коммуникативные роли могут меняться: информант становится ведущим коммуникатором в диалоге, вовлекаясь в ситуацию общения.

Показателями такой вовлеченности выступают различные дискурсивные средства, отраженные в тексте сказок. Помимо междометий (*ага, да, вот, ну*),

модальных слов, пауз и других средств, отметим вставки (в виде отдельных экспрессивно-оценочных слов и целых коннотативных высказываний) в текст повествования, с помощью которых рассказчица дает оценку поступков, поведения персонажей сказки: *Не показывайся лисице! Ина, зараза, хитрая!; Ена ж, лисица, гад, хитрая!; Вот такой волк нехороший; Вот такой аферист нашёлся и барина провёл!*

С целью обеспечить одну из функций сказки – поучительную – рассказчик усиливает интерпретационный элемент своего повествования также за счет автокомментария: *Она [лиса] ж боится волка, боится, что волк разорвёт её; А петух дурачок был! Обязательно ему поглядеть надо!*

Особенного внимания рассказчицы удостоиваются абсурдные с точки зрения здравого смысла, но органичные для определенного типа сказок элементы. Так, в «Сказку о ловких ворах» вводится авторское пояснение житейской невозможности поведения персонажа (оформлено в круглых скобках): *Вот один садится, луночку просек и говорить: на долото он будет рыбу удить. (Ну как же он на долото будет рыбу ловить? Ведь нет ни червяков, ни крючков!).*

Для носителя традиционной культуры ситуация рассказывания сказки молодым слушателям является способом трансляции личного жизненного опыта путем включения различных пояснений социально-бытового и этнографического характера: *Жил дед и баба. Не было у них хлеба (Вот как у нас сейчас. Как у нас сейчас – плохо, плохо. Так и у них было плохо). Жили бедно; Ну, они уж стали старенькие, а сынок ищи хороший, здоровый, молодой (А раньше ж жили только со своего хозяйства. Если заработишь где на чём свою копейку, то будешь и жить). И вот они заготовили дроу; А в старое время люди праздновали всякие религиозные праздники и ходили в гости друг к другу из деревни в деревню. В одной деревне одни праздники празднуют, в другой другие, так и ходят. Дождались Покрова, позвали с соседних сёл гостей и закатали пирушку. Угостили, конечно, неплохо по тем временам. Угощали кашей да блинами, рыбой да кренделями. Вино где-то прихватили, селедки не забыли. Одним словом, как положено, угостили.*

Обобщая всю информационную насыщенность текстов сказок, следует подчеркнуть, что в ходе общения слушатель рисует себе в лице информанта образ не только живого рассказчика, но и мудрого хранителя материального, духовного и языкового опыта. Рассмотренную особенность сказки психологи оценивают как универсалию, призванную осуществлять интенцию наставничества, которую возлагают на себя старшие члены сообщества в стремлении «передать накопленный опыт: конкретные навыки, рациональные, эмоциональные и деятельностные способы разрешения проблем (в том числе, социальных), идейные и моральные установки (тотем и табу) и др.» (Сопикова, 2002: 87).

Словотолкователь как результат диалектологического изучения текстов региональной сказки

Подготовленные к изданию тексты сказок с очевидностью показали необходимость специального диалектологического и этнолингвистического изучения данного источника.

В составлении словаря мы ориентировались на имеющиеся прецеденты. Одна из ранних работ, включающая объяснительный словарь диалектных слов, содержится в академическом издании сказок и легенд пушкинских мест, записанных В. И. Чернышевым в конце 20-х гг. XX в. (Панченко, 1950: 315-336). Этот словарь областных слов был составлен с общелингвистической целью, которая традиционно реализуется при публикации текстов, если они требуют смысловых пояснений. Изданный в 2004 г. сборник «Сказки Псковской области» также содержал

лингвистический комментарий с обзором основных псковских диалектных особенностей и включал пояснения к пониманию диалектных слов и некоторых словосочетаний (Пецкая, 2004: 443-450). Оба словаря имели определенную задачу – снять или минимизировать трудности, связанные с пониманием непонятных читателю слов в фольклорных текстах.

Подготовленный нами словарь также в первую очередь выполняет функцию словотолкователя. Словарная статья состоит из заголовочного слова (иногда в заголовке словарной статьи дано устойчивое сочетание) в исходной форме, поля дефиниции и отсылок к тексту сказки и району. Если диалектизм имеет этнографический характер, то дефинитивная часть расширяется за счет введения элементов энциклопедического толкования лексемы. Определяя лексическое значение диалектизма, мы преследовали цель соотнести лексические материалы издаваемого сборника сказок с данными других источников: опубликованных выпусков «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС, 1967-2013) и региональным этнолингвистическим словарем «Традиционный быт псковских крестьян» (ТБПК, 2012).

В ходе проделанной работы выяснилось, что в большинстве случаев слово из текстов сказок описано или имеет соответствия в региональных словарях. В случае невозможности соотнесения мы давали свое толкование. Например: **Кладка** – ‘деревянный помост, мостки у берега водоема для полоскания белья, купания, рыбной ловли’ [ПОС 14: 165]. **Кутюлёк** – ‘заплечный мешок, котомка’. Ср. *котуль*, *котыль* – ‘сума у путников и пастухов’ [ПОС 16: 25]. **Оборки**, мн. – ‘специальные завязки, тесемки (тканые, плетеные или кожаные) для привязывания лаптя к ноге, обвивающие онучи; оборы’ [ПОС 22: 294-295, 304; ТБПК: 172]. **Чело** – ‘сводчатое отверстие в передней части русской печи, куда закладывались дрова, ставились чугуны для приготовления пищи’.

При толковании глагольной лексики в скобках приводится пояснение к морфологической форме, в которой слово употреблено в тексте: **Лупать** (в форме 3 лица ед. числа *лупаитъ*) – ‘моргать, мигать’ [ПОС 17: 226].

Учитывая особенности геополитического положения Псковщины, выражение «псковская народная сказка» следует понимать в известном смысле условно, что усиливается также за счет географии мест полевого сбора сказок – это в значительной мере южные районы современной Псковской области, где распространены говоры, составляющие псковско-белорусское пограничье. Анализ диалектных особенностей языка сказок выявил многочисленные белорусизмы на всех уровнях – от фонетики до грамматики. Приводимые в словаре лексические соответствия из белорусского языка не следует интерпретировать как заимствования либо как другие виды языкового воздействия. История говоров находится в тесной связи с историей региона, составляющего псковско-белорусскую диалектную зону; ее современное состояние не имеет однозначного истолкования. Поскольку в наши задачи не входит рассмотрение дискуссионных вопросов, связанных с данной диалектной и историко-культурной зоной, то выявленные с помощью Белорусско-русского словаря (БРС, 2012) и представленные в структуре словарных статей лексические параллели имеют лишь констатирующий характер. **Запаять** (в форме прошедшего времени муж. рода *запаяў*) – ‘начать петь, запеть (о петухе)’ [ПОС 12: 33]. Ср. в белорусском языке *запаяць* – обл. ‘запеть’ [БРС 1: 976]. **Отчинить** (в форме прошедшего времени муж. рода *отчыніў*) – ‘открыть, отпереть дверь’ [ПОС 24: 301]. Ср. в белорусском языке *адчыніць* – ‘открыть, отворить (о двери)’ [БРС 1: 208]. **Капличка** (в звучании *каплицка*) – ‘католическая часовня’. Ср. *каплица* – ‘то же’ [ПОС 13: 471]. Ср. в белорусском языке *капліца* – ‘часовня’, *каплічка* – уменьш.-ласк. ‘часовенка’ [БРС 2: 141]. **Щирый** – ‘истинный,

настоящий, подлинный’. Ср. в белорусском языке *шчыры* – ‘4. непритворный, безыскусственный’ [БРС 3: 1068-1069].

Таким образом, языковая стихия псковской сказки неоднородна: в ней находит отражение так называемый «белорусский комплекс», характеризующий диалектные черты псковско-белорусского пограничья, и вместе с тем здесь представлена целая система русских северо-западных черт с характерными собственно псковскими явлениями. Представленное в словаре диалектное слово получает описание семантики на широком этнолингвистическом и лингвогеографическом фоне.

Местная топонимия в сказочном тексте

Топонимический корпус псковских сказок немногочислен, что вполне естественно для сказки как жанра устного народного творчества. Обобщенному характеру сказки противоречила бы точная географическая ориентация. В сказке ее обычно заменяют известные формулы: «в некотором царстве», «в некотором государстве» и т.п. Так, в нашем источнике один раз встречаются как традиционно оформленный зачин: «в одном государстве...», так и упоминание некоего «другого царства». Обычно же сказка в псковском сборнике начинается так: «жили три / два брата», «жил / жили-были дед и баба», «был отец и мать» либо без всякого вступления: «поехал мужик в лес» и т.д. Таким образом, для абсолютного большинства сказок псковского сборника не характерна какая-либо локализация. Единично встречающиеся временные или пространственные указатели имеют исключительно обобщенный характер: «где-то в старые времена», «где-то на Руси», «на свете», «в одном селе», а также, например, «был в солдатах и жил далеко».

Топография населенных пунктов, упомянутых в сборнике сказок, поддается описанию, т.к. это, как правило, реальные географические объекты, часть которых обнаруживается и на современной географической карте Псковской области: Псков, Опочка, Торопец; деревни Алоль (в варианте Алоли), Мякишево, Паново (Опочецкий район); Анушово, Коларево, Колкиши, Синютино (Новосокольнический район), река Кунья. Введение топонимии в сказочное повествование создает необходимый эффект достоверности сказки как поучительного рассказа, т.к. благодаря своей воспитательной функции сказочное повествование вырастает до уровня отражения и трансляции коллективного опыта.

Сюжет некоторых сказок разыгрывается в хорошо знакомых рассказчику и слушателям географических реалиях. Так, в сказке «Как дед другую жену искал», записанной в Опочецком районе, в поисках новой жены вместо своей, надоевшей, герой отправляется «сначала в Мякишево – это в ближайшую деревню», затем – «дальше туда к Алолям». Слушатель как бы следует вместе с героем по намеченному маршруту и фиксирует ландшафтные детали. Например, когда герой направляется «к Алолям», то отмечает, что «там река течёт-бежит, хорошая, студёная». Речь идет об известном гидрониме (сейчас это Пустошкинский район) – правом притоке реки Великой реке Алоля, или Алоль. С этими наименованиями – деревня Алоль, река Алоль, большое озеро Алоль – в настоящее время связано известное курортное место на Псковщине, расположенное на магистральной автомобильной дороге.

Герой сказки, попадая в чужие деревни, к своему разочарованию, везде наблюдает абсурдное поведение местных женщин и в результате возвращается «к своей бабке», «обратно в Паново», поняв, что здесь «бабы лучше». Таким образом, мы узнаем и исходный пункт следования героя. Итак, слушатель как бы «проходит» вместе с рассказчицей: от Панова до Мякишева по грунтовой дороге примерно 9 км, дальше до Алоли – по большаку 18 км, итого – примерно 27 км; в целом же путешествие туда и обратно составляет километров 50. Эта сказка – одна из немногих, не просто

содержащих топонимы, но и насыщенных ими: здесь в разговоре персонажей упоминаются также Псков, районный центр Опочка.

Особый интерес вызывает деревня Бакино, отсутствующая на современной карте (эту деревню не отмечают уже первые послевоенные карты). Населенный пункт Бакино упомянут в сказке в связи с наличием здесь мельницы. Проведенные экспедиционные изыскания показали, что столь яркая черта, как мельница, не могла не остаться в памяти местных жителей. Приведем два фрагмента диалектных записей (из личного архива), выполненных в начале 2002 г. в описываемых в сказке местах. *«Бакина-та? Была. А как жы? На рѣчки, што с Синофца тикѣт, ручѣй ѣтат и Чорнава ѳзира сначѣла – в Глубѳкая, з Глубѳкава – ф Синовец, а с Синофца ужѣ в Бакина. Там аннѣ мѣльница былѣ, да дварѣ два-три. С той мѣльницы рѣчка идѣт в ряку Вяльикую. Ликвидирѣвалась примѣрна ф шысятых-симисятам гаду. Рядам былѣ Вяльица, на большѣак – Лашутина. Чириз Бакина мы хадѣли в Лашутина»* (д. Рупосы). *«Бакина – прѳста хутар, мѣльница и дом, большы никавѳ нѣ была. Жылѣ там сямья мѣльника. Пѳсле вайнѣ пѣпка тудѣ муку вазѣл. Рядам бѣли Ламки, Лашутина, Вяльица. Ф семидесятых, вѣтых га дѣх, ликвидирѣвалась. Мѣльник памѣр, маѳть ни стѣли, хлѣба и так стѣла хватѣть»* (д. Ломки).

Таким образом, «сказочная» топонимия приобретает вполне реальные черты, хотя некоторые деревни и их названия сохраняются лишь в памяти пожилых местных жителей, что усиливает историко-культурное значение архивных материалов.

Итак, использование географических названий, в том числе и местных, в целом не характерно для псковской сказки. Включение топонимов может быть рассмотрено как одно из средств придания достоверности сказочному сюжету, что в результате служит усилению «стихии реализма», по выражению В. Я. Проппа (Пропп, 1984: 329). Топонимические детали представляют сказку как осовремененный сюжет, где нередко стираются границы между сказочным, чудесным, с одной стороны, и жизненным, реальным – с другой.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование показало, что текст народной необработанной сказки, особенно в ее звучащей форме, представляет культурную ценность благодаря своей информационной насыщенности. В них отражаются разнообразные стороны жизни, предметы традиционного крестьянского быта и их местные названия, нередко уже утраченные. Выбранная автором лексикографическая форма комментария диалектной лексики позволяет решить ряд исследовательских задач, главной из которых является выявление региональной специфики слова.

Необработанная сказка, особенно звучащая, обладает всеми признаками диалектного дискурса, такими как: ярко выраженная интенция говорящего, диалогичность речи. Само речевое поведение диалектоносителя может быть охарактеризовано в аспекте коммуникативного взаимодействия рассказчика и слушателя. Адресный характер диалектных текстов раскрывается в целом ряде речевых форм, направленных от рассказчика к слушателю. К числу наиболее характерных относятся так называемые самокомментарии – пояснения диалектоносителя, сделанные им в ходе повествования.

Особым объектом исследовательского внимания является псковский топонимикон, отраженный в текстах сказок. Введение рассказчиком в ткань сказочного текста реальных топонимов, главным образом названий окрестных деревень, создает особый топографический эффект, усиливая степень реализма сказочного сюжета. Топография населенных пунктов, упомянутых в сборнике сказок, поддается описанию,

т.к. это, как правило, реальные географические объекты, часть которых обнаруживается и на современной географической карте.

Summary

The paper identified and systematized ethno-linguistic, communicative, pragmatic and linguageographical features of the Pskov fairy tales.

Research is based on a material of the manuscript of the collection of the raw national folk tales which have been written down in Pskovshchina during the period since the 70th of the XX century prepared for the publication. The edition is prepared by staff of Scientific and educational laboratory of regional philological researches of the Pskov state university in two formats: in a traditional format (in the form of the book with the audioappendix) and in the electronic version (in the form of an electronic database). The collection contains more than 200 texts and songs fairy tales character. Important feature of the collection is carefully executed verification of archival texts on audio recordings with preservation in “interpretation” of texts of striking traits of the Pskov dialect speech.

The analysis of the real regional source gives the grounds to claim that the raw folk tale represents bi-unity of folklore work and the spontaneous dialect speech. This idea is embodied in collection structure. The collection of texts is supplied with the scientific device having interdisciplinary character: it contains the comment characterizing fairy tales as works of folklore, and formed by the author as a dictionary application dialect vocabulary, which shows not only lexical, but also ethnographic dialect.

Performed work showed that the text reflected objects of traditional tales of peasant life and their local names, often already lost, requiring special compilers and ethnolinguistic dialectological comment. Lexicographical comment form dialect vocabulary allows to solve a number of research problems, chief among which is the description of the semantics of dialect. If dialecticism has ethnographic character, introduced elements of encyclopedic interpretation of a lexeme are entered. According to the author in an entry provides links to “Pskov Regional Dictionary” and other sources, showing regional specificity of expression.

Expression “the Pskov national fairy tale” is in a sense conditional since places of field collecting folk tales is substantially the southern regions of modern Pskov area making the Pskov-Belarusian border zone. This boundary territory represents a wide strip of the ethnocontact zone which specifics found bright reflection in language features of big group of fabulous texts. In this regard, the author felt it necessary to enter into the structure of the entry links to lexical correspondences of the Belarusian language for the Pskov dialecticisms.

Untreated tale, especially sounding, has all the characteristics of a dialect of discourse, such as: pronounced intention of the speaker, dialogic speech. The speech behavior of a dialect speaker can be characterized in aspect of communicative interaction of the story-teller and the listener. Address character of dialect texts reveals in a number of the speech forms directed from the story-teller to the listener. So-called self-comments – the explanations of a dialect speaker made by him during a narration are among the most characteristic.

Special object of attention is Pskov toponimikon reflected in texts of folk tales. Introduction into the fabric fabulous storyteller text real place names, mostly names of surrounding villages, creates a special topographic effect, increasing the degree of realism of a fantastic plot. Topography settlements mentioned in the book of fairy tales, indescribable, because this is usually the actual geographical features, some of which is detected on the current map.

Kopsavilkums. *Zinātniskais raksts ir velēts Pleskavas pasakas etnolingvistisko, komunikatīvo, pragmatisko un lingvistiski ģeogrāfisko pazīmju noteikšanai, izmantojot tradicionālo sistēmu strukturālās un komunikatīvās dialektoloģijas metodes. Pētījumā ir izmantots manuskripts – literāri neapstrādātas pasaku kolekcijas, kas radušās XX gadsimta 70. gados Pleskavā. Pētījums atklāj neapstrādātas pasakas dialekta iezīmes, piemēram: pasakai piemīt runātāja izrunas nolūks, dialogiskā runa utt. Kontentanalīze atklāj pasaku korpusa vēsturisko un kultūras nozīmību, kas var kalpot par lokālo vietvārdu informācijas avotu. Pasakas valoda atspoguļo Pleskavas nacionālo dialektu fonētiskās, leksiskās, semantiskās un gramatiskās īpatnības. Pētījumā ir atklāts, ka pateicoties informatīvajai piesātinātībai neapstrādātās tautas pasakas ir kultūras vērtība.*

Использованная литература и источники

1. Антонова, Ю. Н. (2006). *Интенция говорящего в аспекте коммуникативно-целевой семантики*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел.
2. *Беларуска-рускі слоўнік*: у 3 т. (2012) / Пад рэд. чл.-кар. НАН Беларусі, д.ф.н. А. А. Лукашанца. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. (БРС).
3. Большакова, Н. В. (2004). Коммуникативно-прагматические черты псковской сказки. In *Сказки Псковской области* / Под ред. Г. И. Плещук (с. 532-546). Псков: ПГПИ.

4. Керимов, Т. Х. (1998). Интенциональность. In *Современный философский словарь* / Под общ. ред. В. Е. Кемерова (с. 350). Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: ПАНПРИНТ.
5. Кубрак, Т. А. (2009). *Интенция самопрезентации субъекта в вербальной коммуникации*. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
6. Панченко, Н. Т. (1950). Словарь областных слов. In *Сказки и легенды пушкинских мест* / Записи на местах, наблюдения и исследования чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышева (с. 315-336). Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
7. Пецкая, Т. А. (2004). Лингвистические пояснения к текстам сказок. In *Сказки Псковской области* / Под ред. Г. И. Площук (с. 439-450). Псков: ПГПИ.
8. Площук, Г. И. (2004). Сказки Псковской области из фонда фольклорного архива Псковского государственного педагогического института. In *Сказки Псковской области* / Под ред. Г. И. Площук (с. 19-55). Псков: ПГПИ.
9. Пропп, В. Я. (1984). *Русская сказка*. Ленинград: ЛГУ.
10. *Псковский областной словарь с историческими данными* (1967-2013). Вып.1-24. Ленинград: ЛГУ / Санкт-Петербург: СПбГУ. (ПОС).
11. Сопикова, Т. А. (2002). Философия старости: геронтология. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 24 (с. 85-88). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество. Смotr. 10.01.2014. <http://www.library.by/portalus/modules/philosophy>.
12. *Традиционный быт псковских крестьян* (Опыт регионального этнолингвистического словаря) (2012) / Ред. Н. В. Большакова. Псков: ЛОГОС Плюс. (ТБПК).